

DOI 10.22363/2312-8127-2019-11-3-267-276

Научная статья

Образ врача Италии XIV века глазами современника (на примере «Инвектив против врача» Франческо Петрарки)

А.А. Бушля

Волгоградский государственный медицинский университет
Россия, 400131, Волгоград, пл. Павших борцов, 1

В последние десятилетия в рамках направления «социология медицины» особое внимание исследователей привлекают такие области знания, как история здоровья и болезней, медицинских институтов, пациентов, врачей. Особый интерес вызывают отношения врача и пациента, так как эта сфера коммуникации в современном обществе весьма проблематична, и обращение к опыту прошлого может быть полезным для извлечения уроков.

Данная статья представляет собой попытку реконструкции образа итальянского врача XIV в. Работа имеет междисциплинарный характер, опирается на традиции социальной и культурной истории медицины. В качестве основного источника используется сочинение Франческо Петрарки «Инвективы против врача» (середина XIV века). Написанные в форме памфлета, высмеивающего и обличающего реальное лицо, а данном случае, целую группу – врачей и пациентов, «Инвективы» являются прекрасным источником информации об отношении общества того времени к врачу.

Исследование основного источника, являющегося субъективным отражением процессов и явлений того времени, дополняется проработкой культурно-исторического компонента, картины мира того времени.

Автор делает вывод о том, что в проявившемся в ходе спора мировоззрении Петрарки мы можем обнаружить как черты Ренессанса (признание ценности разума и человеческих способностей), так и Средневековья (ценности веры, апелляция к авторитетам). Для создания более объемной реконструкции были привлечены исследования средневековой картины мира (Ле Гофф Ж., Трюон Н.). Кроме того, в статье затрагиваются такие вопросы, как место символа, иерархии, слова в культуре того времени. Рассматриваются такие компоненты картины мира, как корпоративность, отношение к добродетели и греху, ручному труду, авторитетам, науке, искусству и медицине.

Негативные составляющие образа врача и медицины Италии XIV в., свидетельствуемые Петраркой, в ходе реконструкции дополняются предполагаемым позитивным или идеальным компонентом, что дает в результате объемную характеристику исследуемого феномена.

Ключевые слова: образ врача, история медицины Италии XIV века, Франческо Петрарка, литература как исторический источник, средневековая картина мира

© Бушля А.А., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

В последние десятилетия в рамках направления «социология медицины» в научных исследованиях особо актуальны такие области знания, как история здоровья и болезней, медицинских институтов, пациентов, врачей [1–4]. Современные культуролого-антропологические исследования, находясь в поиске инструментов и методик реконструкции живой ткани культур прошлого, часто обращаются к литературным источникам изучаемой эпохи [5].

В данной статье мы попытаемся реконструировать образ врача и состояние медицины Италии XIV в., опираясь на сочинение Франческо Петрарки, который описывал современное ему общество.

Конечно, мы понимаем, что его «Инвектива против врача» является весьма субъективным отражением процессов и явлений того времени, и все же через пространство жизненного мира единичной личности мы попытаемся обнаружить культурно-исторический компонент. Мы будем исходить из того, что любое субъективное свидетельство, схематичный, искаженный, дробный образ реальности все же несет в себе отпечаток господствующих мифологем, картины мира того времени.

«Инвектива против врача» Ф. Петрарки, написанная в середине XIV века, является прекрасным источником информации об отношении общества того времени к врачу. Написанная в форме памфлета, высмеивающего и обличающего реальное лицо, а данном случае, целую группу – врачей и пациентов, «Инвективы» находятся на грани между художественной, документальной, исторической и мемуарной литературой. В исследовании использовались два перевода: В. Бибикина [6] и Н. Девятайкиной, Л. Лукьяновой [7].

История «литературной войны» началась 18 марта 1352 года, когда уже признанный гениальным поэтом Петрарка написал заболевшему папе Клементу VI письмо, в котором выразил ему свое сочувствие и предостерег от «толпы врачей», соревнующихся только в красноречии, а не в знаниях и опыте. На письмо ответил, как предполагают исследователи, лейб-медик папы. За одни сутки Петрарка написал в ответ первую книгу «Инвектив против врача», на которую вновь последовал ответ. Итак, меньше чем за год было написано четыре «Инвективы», которые получили окончательную редакцию в 1355 году [6]. Содержательностью в плане информации, деталей, фактов, необходимых для исследования, отличается первая из инвектив, тогда как остальные большей частью представляют собой эмоциональные обвинения личностного характера.

Следует отметить, что все обличительные речи Петрарки вовсе не направлены на медицину. Он признает медицину «не бесполезным искусством» [6. С. 21–22], которое «даже освящено как изобретение бессмертных богов: столь великим представлялось это искусство, что не могло считаться изобретением человека» [6. С. 22]. В конце концов, об этом говорил Иисус Сирахов: «Господь создал из земли врачевства», – «не верить которому нельзя». Однако стоит помнить, что все науки, все знание, вся мудрость – божественное изобретение и дар Господа, все искусства и ремесла вышли из одного источника, все созданы Всевышним [6. С. 22].

Несколько раз Петрарка уточняет, кого он обвиняет и осуждает в своих напаках: «не ваше ремесло, а ремесленников, и не всех, а наглых и противоречивых» [6. С. 18]. И все же в споре дело доходит до принижения профессии, сведения ее к занятиям, которые «состоят в том, чтобы разглядывать мочу и другое, что стыд мешает назвать» [6. С. 24]. Или другой пример: вот как выглядит, с точки зрения Петрарки, сравнение искусства медика и земледельца. «Он помощник человеческой жизни, а ты противник, хоть заявляешь обратное; он в трудах приносит пользу человеческому роду, а ты вредишь ему в праздности; он, нагой и голодающий, готовит в полях народную сытость, а ты, разряженный и болтающий, губишь в покоях народное здоровье» [6. С. 22].

Деятельность врачей в средневековом городе, подобно представителям других занятий, регулировалась соответствующей гильдией или цехом. На основании сходства занятий врачи могли быть объединены в один цех с аптекарями, живописцами или торговцами восточными товарами. Принадлежность цеху давала возможность совместного развития, обогащения друг друга новыми идеями, регулирования профессиональной деятельности, гарантию правовой защиты [8]. Кроме всего прочего она способствовала формированию особого корпоративного мышления. Петрарка отмечает в «Инвективе», как врачи дружно встали на защиту собрата. «Странно сказать, как ты и многие другие вдруг возмутились и вознегодовали». Проявляя корпоративную солидарность, «чуть не все кричат и беснуются» в ответ на упреки и обвинения [6. С. 18].

В чем Петрарка обвиняет врачей? Во-первых, это отсутствие знаний, недостаток опыта и практических навыков, прикрываемые красноречием. Петрарка сетует, что в его время сложно найти врача, «выдающегося не красноречием, а знаниями и честностью» [6. С. 18]. Легковеры, слушающие таких врачей, привлеченные обещаниями исцеления, получают «только неуместные букеты бесполезного красноречия, когда нужны дела, а не слова» [6. С. 17].

Конечно, владение ораторским мастерством неплохо для врача, так же как знание гуманитарных наук и латыни. Но только если врач реально может лечить болезни, а не только называет их по-гречески. Тремя веками позже Жан-Батист Мольер в комедии «Мнимый больной» высмеивает те же самые пороки, обращая внимание на то, что зачастую знания, которыми врачи владеют, не очень-то помогают лечению. «Все их преимущество заключается в звонкой галиматье да в вычурной болтовне, которая выдает нам слова за дело и обещания за действительную помощь» [9. С. 30].

Красноречие действительно являлось чуть ли не самым важным умением средневекового врача. Необходимость умения красиво говорить была осознанна еще в традициях античной риторики. Но в данном случае это не столько традиция, сколько проявление одной из особенностей менталитета средневекового человека, важной характеристикой которого был символизм. Символ, в данном случае слово, напоминал о высшей и скрытой реальности. Каждый предмет являлся для средневекового человека изображением чего-то ему соответствующего в сфере более высокого, истинного мира. Именно поэто-

му в медицине этого периода поставленный диагноз уже означал исцеление, оно должно было наступить вследствие произнесения названия болезни. Если язык был для средневековых интеллектуалов покровом реальности, то он также являлся ключом к этой реальности, соответствующим ей инструментом [10. С. 308].

Средневековая символика была основана на иерархичности – это еще одна из особенностей мышления того времени. Степень близости к Богу определяла место явления или предмета в универсальной иерархии. И природный мир (земля, растения, животные), и общественная реальность (основанная на *принципах сословной подчиненности феодальная система социальных отношений*, корпоративность, внутреннее устройство клира), и даже мир неземной (чины ангелов) представляли собой единую иерархию, «великую цепочку бытия», подчиняющуюся Богу. Принцип иерархичности проявлялся во всем. И одно из его ярких проявлений – следование авторитетам, которые всецело управляли духовной жизнью той эпохи. В теологии, наивысшей из наук, с ее схоластическим мышлением, практика ссылок на авторитеты нашла свое наивысшее воплощение. Однако следование авторитетам было основой всей духовной и интеллектуальной жизни, не исключая и медицину.

В «Инвективе» нашел свое отражение спор об искусствах, связанный с их разделением еще в традициях античности на «свободные искусства» – науки, заниматься которыми считалось достойным свободного человека, и «нечистые искусства», связанные с физическим и ремесленным трудом. Семь свободных искусств (тривиум – грамматика, риторика, диалектика, и квадривиум – арифметика, геометрия, астрономия и музыка) гуманисты поставили в иерархии знаний выше медицины и юриспруденции.

Во многом это было связано с характерным для того времени презрительным отношением к ручному труду. На протяжении средневековья отношение к труду претерпевает изменения. В частности, в XII–XIII вв. труд из отрицательной ценности – наказания – трансформируется в позитивную – участие в созидательных деяниях, угодных Богу. Эти изменения стали возможными благодаря появлению ориентации на земные ценности, на *ratio* как логическое начало, разум и расчет в одно и то же время [10–12]. Однако ручной труд оставался в представлении самих медиков и хирургов уделом низших категорий населения. А для них, ученых, интеллектуалов, представителей искусства медицины, прошедших обучение в университете, более приемлемой казалась работа с текстами Галена и других авторитетов. Университетские профессора продолжали еще долгое время относить себя к интеллектуалам, гнушавшимся ручного труда, предпочитая вскрытиям цитирование Галена.

Следующее, что ставит в вину врачам Петрарка, это противоречивость. На противоречивость врачей «громко сетует весь человеческий род». По его словам, «...гибнут тысячи несчастных больных, доверившихся вашим услугам, страдая от противоречивой, переменчивой, ненадежной тирании врачей» [6. С. 19].

То, что Петрарка называет противоречивостью, является одним из следствий описанной выше особенности средневекового мышления, отрицающего опыт как метод познания, боящегося новшеств и цепляющегося за авторитеты прошлого. Медицинское знание не было единым, целостным, оно собирало в себе обрывки разных традиций разных времен и разных цивилизаций. Обязательность ссылки на то или иное высказывание, отношение к новшеству как греху, а к изобретению как чему-то вызывающему, разрушающему каноны, практика постоянного повторения – все это отражалось на техническом и интеллектуальном прогрессе. И, конечно, на развитии медицинского знания, которое также долгие века находилось под влиянием силы инерции, поглощавшей большую часть ментальной энергии средневековых людей.

Ставит в вину врачам Петрарка и их «почти постоянную хворь»: обещая здоровье, сами они не обладают им. Тогда как еще со времен античности считалось, что «те, кто сами не имеют хорошего вида в своем теле, у толпы считаются не могущими иметь правильную заботу о других». Эта мысль зафиксирована в составленном в III веке до н.э. в Александрийской библиотеке Гиппократовом сборнике, который имел широкое распространение в средневековой Европе. «В большой толпе вас можно сразу узнать по бледности, и стало уже присловием говорить «лицо как у врача», когда видишь золотушного или чахоточного. Малое ли чудо – обещать другим здоровье, которого у самих нет?» [6. С. 22].

Основной причиной того, что врачи лишены доверия, является их сознательная ложь, в которой их обличает Петрарка: «...среди вас ложь стала каждодневным и привычным делом» [6. С. 19]. Причем имеет место самый тяжкий вид лжи – «совершенно сознательно и во вред обманутым» [6. С. 19].

Склонность к жадности и угодничеству продолжают список моральных качеств, которые Петрарка приписывает врачам. Врач – льстец и «назойливый подхалим, в погоне за низменной выгодой обхаживающий не только первосвященника, но и последнего бедняка» [6. С. 18].

В теологии на протяжении всего средневековья существовало представление о семи основных добродетелях и грехах. Схемы, градация менялись, однако практически во всех списках грехов (например, Иоанна Кассиана, Григория Великого) присутствует жадность (*avaritia*). Какие реальные основания для обвинения средневекового врача в этом грехе можно найти?

Конечно, нужно учитывать, что здесь речь идет о придворной медицине, частной практике. Историки доказывают, что, начиная с XII века, медицина постепенно превращается в профессию (лат. *professio* – от *profiteor* – объявляю своим делом), то есть основным родом трудовой деятельности, требующим определенной подготовки и служащим источником существования.

С этого времени медицина становится возможностью зарабатывать деньги. При существовании представления о том, что платили не за лечение и не за принесенное облегчение, которое рассматривалось как дар Божий, можно обозначить объективные причины требования платы. Врачам оплачивали «подготовку и работу, которая требовала от них великого усердия и отнимала много сил» [13. Р. 110].

Некоторые исследования показывают, что, несмотря на опасности и сложности (проблемы чумы, например), факторы престижности и доходности занятия медициной играли важную роль: для бедноты и иностранцев медицина была высокодоходным занятием, способным быстро поднять человека вверх по социальной лестнице [13. Р. 75].

Сложно сказать, что двигало врачами – желание принести облегчение больному или же получить материальную выгоду. Однако примерно с XII века ситуация сложилась таким образом, что со стороны пациента появилась возможность обвинить врача в жадности – то есть *неумеренной склонности к получению материальных благ*.

Кроме всего перечисленного Петрарка возмущен и тем, что «самовластие судьбы перепутало все в мире», в том числе и искусства. Он болезненно воспринимает нападки на поэтов и поэзию: «Какой дерзости не ждать от тебя, когда ты с неслыханным кощунством подчиняешь риторику медицине, госпожу – служанке, свободное искусство – ремеслу?» [6. С. 20]

Петрарка повторяет слова своего обвинителя о том, что он «задел божественный и святой род врачей». И действительно, представление о божественном происхождении медицины является одной из составляющих картины мира этого периода. Средневековым врачам часто приписывалось сверхъестественное происхождение. Так, существовала распространенная легенда о том, что знаменитый в валлийской традиции лекарский род врачей из Миддвай происходит от феи из озера Ллин-и-Ван-Вах, вышедшей замуж за смертного и передавшей своим сыновьям магическую книгу рецептов [14].

В принижении медицинского ремесла Петрарка доходит до крайности. «Ремесленник, займись, пожалуй, своим делом: лечи, если можешь, не можешь – убивай, а умертвив, проси награду; благодаря слепоте человеческого рода она причитается не императору или государю, но тебе одному, господину, как ты хвалишься, жизни и смерти. Пользуйся злосчастной привилегией, ты посвятил свой талант лучшему и вернейшему из искусств: кто выживет, обязан тебе жизнью, кто погибнет, ты ему ничем, кроме опыта, не обязан; смерть – вина природы или больного, жизнь – твоя заслуга». И для убедительности вспомнил высказывание Сократа об одном живописце, который сделался врачом. «Он поступил осмотрительно, оставив искусство, которое выставляло его ошибки на всеобщее обозрение, и, занявшись тем, чьи ошибки надежно укрывает земля» [6. С. 20].

Петрарка, представитель ренессансного мировоззрения, которое, казалось бы, должно опираться больше на разум и человеческие способности, в споре опирается на средневековые ценности веры, использует средневековые методы апелляции к авторитетам. Он заявляет, что человеческое здоровье находится в руках Христа, он и исцелил первосвященника. Врачи же, «приписав себе божье благоденствие и заслугу его крепкого природного сложения», хотят предстать воскресителями его из мертвых [6. С. 19].

Живописуя постыдное состояние современной ему медицины, Петрарка с уважением вспоминает ее блестящее прошлое. Мужами великой учености,

великими людьми он называет Галена и Гиппократ. «По-моему, Гиппократ был мужем большой учености; думаю, что и Гален, следуя ему, много прибавил к первым изобретениям медицинского искусства» [б. С. 22]. Но все славные древние врачи, «если бы они встали из могил, то единогласно признали бы, что не имеют худших врагов, чем вы, в ленивой тупости и косности ума расточающие плоды их трудов и бдений и каждодневной ложью подрывающие доверие к ним» [б. С. 23]. Древняя слава медицины омрачена грехами «великого множества невежественных и болтливых преемников [б. С. 21].

Несколько раз в «Инвективе» Петрарка повторяет, что «все это сказано не против медицины и не против хороших врачей, которым нечего возмущаться, если их всегда мало, а в наш век особенно, а только против тебя и говорящих подобный же бред» [б. С. 26]. Речь вовсе не идет об осуждении медицины, «потому что, какой здравомыслящий человек станет ее осуждать?» [б. С. 21].

Итак, попытаемся подытожить наши рассуждения, сохраняя баланс между обобщениями и частными наблюдениями Петрарки. При этом оттолкнемся от методологического замечания А.С. Лаппо-Данилевского, который указывал, что попытка историка обобщить всегда приводит к исчезновению из исторического контекста самого важного, поэтому без психологического (на уровне индивидуума) истолкования исторического факта невозможно приблизиться пониманию какого-либо исторического феномена [15. С. 162–166, 279].

«Инвектива» – это не только публицистический текст, но и вполне художественное произведение, насыщенное риторикой, эмоциями, образами, что очень ценно для формирования объемного представления об образе врача и об отношении к врачу в Италии XIV в. Несколько раз в «Инвективе» Петрарка повторяет, что «все это» сказано им «не против медицины» (ибо «какой здравомыслящий человек станет ее осуждать?») [б. С. 21], и не «против хороших врачей», которых «всегда мало, а в наш век особенно». Он направляет свою критику, против «говорящих... бред» [б. С. 26] и прикрывающих этим отсутствием настоящих знаний и профессиональных навыков.

Врач в текстах Петрарки – это псевдоученый, запутавшийся в своих теориях и скрывающий это за схоластическими речами. Чаще всего он сам одержим многими болезнями и не в состоянии помочь себе своим же искусством. При этом он осознает, что не в силах помочь пациентам, и все же он продолжает заниматься своим ремеслом с целью получить выгоду, ради которой готов на лесть, подхалимство и что угодно, включая сознательную, ложь, приносящую вред здоровью.

Предположим, что описанный Петраркой псевдоученый врач-ритор выделяется из общей картины как раз благодаря своей неординарности. Отталкиваясь от этого негативного образа, попробуем воссоздать некоторые общие черты собирательного образа идеального врача, который легко угадывается как его антипод. За его тенью мы видим светлый образ Врача с большой буквы, представителя созданного Богом искусства врачевания, имеющего великих легендарных предшественников, Врача, который помогает исцелять стражду-

щих, обладает бесценными знаниями, умением утешить и дать надежду больному, он честен и порядочен, являет собой образец физически и морально здорового человека.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Siraisi Nancy G.* Medieval and Early Renaissance Medicine. Chicago: The University of Chicago Press, 1990. 245 p.
- [2] The Cambridge illustrated history of medicine / edited by Roy Porter. Cambridge, Cambridge University Press, 1996. 400 p.
- [3] *Lindeman M.* Medicine and society in early modern Europe. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
- [4] *Портнер Р.* Взгляд пациента. История медицины «снизу» // Болезнь и здоровье: новые подходы к истории медицины / под общ. ред. Ю. Шлюмбама, М. Хагнера, И. Сироткиной. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге; Алетея, 2008. 304 с.
- [5] *Черёмушников И.К.* Писал ли Чехов об имидже: к вопросу об использовании художественных текстов в культурологических реконструкциях // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 396. С. 64–68.
- [6] *Петрарка Ф.* Инвектива против врача / пер. В. Бибикина // Эстетика Ренессанса / сост. В.П. Шестаков. Т. 1. М.: Искусство, 1981. С. 13–49.
- [7] *Петрарка Ф.* Инвективы против врача / пер. Н. Девятайкиной, Л. Лукьяновой // Сочинения философские и полемические. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1998. С. 219–303.
- [8] «Установление правосудия» 18 января 1293 г. / пер. Л.М. Баткина // Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1961.
- [9] *Мольер Ж.-Б.* Мнимый больной / пер. Т.Л. Щепкиной-Куперник // Мольер Ж.-Б. Собрание сочинений: в 2 т. Т. 2. М.: ГИХЛ, 1957.
- [10] *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада / общ. ред. Ю.Л. Бессмертного. М.: Прогресс, Прогресс-Академия, 1992.
- [11] *Ле Гофф Ж., Трюон Н.* История тела в средние века. М.: Текст, 2008.
- [12] *Ле Гофф Ж.* С небес на землю (Перемены в системе ценностных ориентаций на христианском Западе XII–XIII вв.) // Одиссей. Человек в истории. М., 1991. С. 25–44.
- [13] *Park K.* Doctors and Medicine in Early Renaissance Florence. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1985. 312 p.
- [14] *Оуэн М.* Медицинские книги средневекового Уэльса и врачи из Миддлвай // Неприкосновенный запас. 2008. № 6. С. 189–202.
- [15] *Лаппо-Данилевский А. С.* Методология истории: в 2-х т. Т. 1. М.: РОССПЭН, 2010.

REFERENCES

- [1] *Siraisi N.G.* Medieval and Early Renaissance Medicine. Chicago: The University of Chicago Press, 1990. doi: 10.2307/2863123.
- [2] The Cambridge illustrated history of medicine / ed. by R. Porter. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. 400 p. doi:10.1017/s1062798700002532.
- [3] *Lindeman M.* Medicine and society in early modern Europe. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. doi: 10.1353/jsh.2001.0090.
- [4] *Porter R.* Sight of the patient. The history of medicine “from below” // Disease and health: new approaches to the history of medicine / ed. by Y. Schlumbom, M. Hagner,

- I. Sirotkina. Saint Petersburg: European University at Saint Petersburg; Aletheia, 2008. 304 p. (In Russ).
- [5] *Cheryomushnikova I.K.* Did Chekhov write about the image phenomenon: on the exploring of the classical literary texts for cultural reconstructions // *Vestnik Tomskogo State gosudastvennogo universiteta*. 2015. Vol. 396. Pp. 64–68. doi: 10.17223/15617793/396/11. (In Russ).
- [6] *Petrarch F.* Invective against the doctor / transl. by V. Bibikhin // *Renaissance Aesthetics / comp. V.P. Shestakov*. Vol. 1. Moscow: Art, 1981. Pp. 13–49. (In Russ.)
- [7] *Petrarch F.* Invectives against the doctor / transl. by N. Devyataykina, L. Lukianova // *Philosophical and Polemic Works*. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 1998. Pp. 219–303. (In Russ.)
- [8] “Establishment of justice” January 18, 1293 / transl. by L.M. Batkin // *Reader of monuments of the feudal state and the law of European countries*. Moscow: State Publishing House of Legal Literature, 1961. (In Russ.)
- [9] *Moliere J.-B.* The imaginary invalid / transl. by T.L. Shchepkina-Kupernik // *Moliere J.-B. Collected Works: in 2 vols*. Vol. 2. Moscow: GIKHL, 1957. (In Russ.)
- [10] *Le Goff J.* The Civilization of the Medieval West / ed. by Yu. L. Bessmertnyj. Moscow: Progress Publishing Group, Progress-Academy, 1992. (In Russ.)
- [11] *Le Goff J., Tryon N.* The history of the body in the Middle Ages. Moscow: Text, 2008. (In Russ.)
- [12] *Le Goff J.* From Heaven to Earth (Changes in the System of Value Orientations in the Christian West of the XII–XIII centuries). *Odyssey. The man in the story*. Moscow, 1991. Pp. 25–44. (In Russ.)
- [13] *Park K.* Doctors and Medicine in Early Renaissance Florence. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1985. doi: 10.1086/ahr/91.5.1231.
- [14] *Owen M.* Medical books of medieval Wales and doctors from Middvay // *Immunity Reserve*. 2008. Vol. 6. Pp. 189–202. (In Russ.)
- [15] *Lappo-Danilevsky A.S.* Methodology of history: in 2 vols. Vol. 1. Moscow: ROSSPAN, 2010. (In Russ.)

Research article

**Image of doctor of Italy in the XIV century
through the eyes of a contemporary
(based on the example of “Invectives against a doctor”
by Francesco Petrarch)**

A.A. Bushlia

Volgograd State Medical University
1 Pavshikh Bortsov Sq., Volgograd, 400131, Russia

This article presents an attempt to reconstruct the image of doctor and the state of medicine in Italy in the XIV century. The work has an interdisciplinary character, is based on the traditions of the social and cultural history of medicine. The main source is Francesco Petrarch's essay “Invectives against a doctor” (the mid-XIV century).

The study of the main source, which is a subjective reflection of the processes and phenomena of that time, is supplemented by a careful study of the cultural and historical component, the picture of the world at that time.

The author concludes that Petrarch, a representative of the Renaissance worldview, uses medieval methods of appealing to authorities. In order to create a voluminous reconstruction, it becomes necessary to study the medieval worldview (Le Goff J., Truon N.). Significant attention is paid to the disclosure of such issues as the place of a symbol, hierarchy, words in the culture of that time. Such components of the picture of the world as corporatism, attitude to virtue and sin, manual labor, authorities, science, art and medicine are involved.

Negative components of the image of doctor and medicine of Italy in the XIV century, as evidenced by Petrarch, are supplemented with an alleged positive or ideal component, which results in a volumetric characteristic of the issue.

Keywords: image of doctor, the history of medicine of Italy in the XIV century, Francesco Petrarca, literature as a historical source, Medieval picture of the world

Информация об авторе / Information about the author

Бушля Алла Андреевна, преподаватель истории Медицинского колледжа ВолгГМУ; специалист по учебно-методической работе кафедры истории и культурологии Волгоградского государственного медицинского университета. E-mail: all4life@mail.ru

Alla Bushlya, teacher of history at the Medical College of Volgograd State Medical University; specialist in educational and methodical work of the Department of History and Cultural Studies of Volgograd State Medical University. E-mail: all4life@mail.ru

Для цитирования / For citation

Бушля А.А. Образ врача Италии XIV века глазами современника (на примере «Инвектив против врача» Франческо Петрарки) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2019. Т. 13. № 3. С. 267–276.

Bushlya A.A. Image of doctor of Italy in the XIV century through the eyes of a contemporary (based on the example of “Invectives against a doctor” by Francesco Petrarch) // *RUDN Journal of World History*. 2019. Vol. 13. No. 3. Pp. 267–276.

Рукопись поступила в редакцию / Article received:

11.08.2019